

Любимова Г.В. Образ дерева в свадебной обрядности старожилов и переселенцев Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. С. 439-443.

Прощание с «девьей красотой», связанное с переходом невесты в новую социовозрастную группу, являлось ключевым моментом предвенечного этапа свадьбы, который мог быть приурочен к девишнику, бане, утру перед венцом или другим эпизодам свадебного обряда. Само понятие «красоты» как возрастной девичьей души (1) получило воплощение в предметных символах, так или иначе связанных с девичьей прической или головным убором (коса, венок, ленты, цветы, косники и др.). К примеру, у кержаков, выходцев из Витебской и Виленской губерний, роль «красоты» играл специально приготовленный к свадьбе венок, ленты для которого собирались у девушек со всего села. По словам Е.С.Дудкиной (1920 г.р.), *«венки для невесты делали из собранных в борочку лент красного, розового и малинового шелка. На один венок до 10 лент уходило, их по всей деревне собирали, а потом обратно раздавали»* (с.Макаровка, Кыштовский р-н, Новосибирская обл.).

Наряду с этим, существовали иные, (не имевшие непосредственного отношения к невесте), формы материального воплощения «девьей красоты», восходившие к образу дерева. У переселенцев с Черниговщины, (зоны белорусско-украинского Полесья, одной из немногих территорий, сохранивших наиболее архаичные слои славянской народной культуры в целом), удалось выявить свадебный эпизод с выносом украшенного деревца - елки: *подруги невесты приносили на девишник елочку (= «елец», «ельчик»), украшенную цветной бумагой и лентами; невеста всю свадьбу под елкой сидела, а девки со свашками пели: «Край стола елочка стояла, / Под той елкой Нюрочка сидела, / Да гостей чествовала, / Пейте вы, гости, гуляйте, / Да только мне не берите, / Я у мамочки една, една, / Да як ружа в городе, / Да як вишенка в саде...»; «когда невесту со двора увозили, тогда и елец со*

стола снимали» (записано от М.Н.Дударевой, 1920 г.р., с.Петропавловка, Маслянинский р-н, Новосибирская обл.).

Кроме того, с образом дерева в сибирской свадьбе могли быть связаны такие символы, как сосновая ветка, репей (2), обычная палочка с прикрепленными к ней лентами и бумажными цветами (3), а также украшенный веник - Д.К. Зеленин, к примеру, прямо писал о том, что роль ритуального свадебного деревца мог играть «березовый банный веник, который иногда украшают» (4). Так, у вятских переселенцев, по словам А.Н.Малыгиной (1932 г.р.), *«подружки с невестой после бани веник наряжали ленточками и тряпочками разными и по деревне возили»* (с.Шишкино, Тальменский р-н, Алтайский край). В.Н.Дараганова (1913 г.р., с.Чудиново, Маслянинский р-н, Новосибирская обл.), рассказывала: *«завтра, к примеру, под венец ехать, так сегодня девки собираются, берут веник, платок на него навязывают, ленты нашивают и по деревне возят, потом возвращаются и в баню идут»*.

Отметим, что ритуальные действия с украшенным веником, который заместил собой свадебное деревце, практиковались лишь в тех локальных традициях, где свадебный обряд включал в себя посещение бани: в лирике русской свадьбы Сибири содержится прямое указание на то, что *«расшелковым кудреватым веничком» невеста смывает в бане «девью красоту»* (5). Там же, где баня не входила в состав свадебного ритуала, обычай катать (возить) по деревне украшенный веник не фиксируется: по словам черниговских переселенцев, *такого «закону», чтобы невесту в баню вести, у них не было - не было, соответственно, и действий с украшенным веником, зато, как уже упоминалось, существовала традиция выноса украшенного деревца на свадьбу.*

Сама «красота» предстает в свадебной сибирской лирике как живое существо, некая принадлежность девушки-невесты, ее подруг и всего рода-племени: в свадебных причитаниях невеста говорит о том, что отдаст *«свою*

девью красоту / По сестрицам да по подруженькам, / По всему да роду племени» (6). Путь «красоты», трактуемый обычно как путь в «иной мир» (7), представляет собой сложную траекторию, которая как бы охватывает все родовое пространство по горизонтали и пронизывает его по вертикали: вначале «красота» отлетает «за горы высокие», «реки глубокие», «леса дремучие», «болота тонучие», затем поднимается вверх («на самый крест», «на маковку божьей церкви»), падает вниз («на матушку сыру землю») и, наконец, прорастает «травой-муравой», расцветает «цветами лазоревыми» и созревает «черной ягодкой-смородинкой», возвращаясь к сестрицам-подруженькам (8). В центре очерченной родовой территории находится дерево (в свадебной лирике – это «*част ракитов куст*»), на который невеста вешает свою «красоту», вопрошая «*Привилась ли девья красота / Ко кусточку алой ленточкой, / Не сидит ли она где под кустичком?*» (9). Таким образом, дерево оказывается тем местом, куда отправляется «красота» и где происходит цикл ее последовательных перевоплощений. Соотнесенность «красоты» со всем родом-племенем позволяет, по мнению ряда исследователей, рассматривать свадебное деревце как символ священного родового дерева, связанного с образом женского божества плодородия, от которого зависели жизнь, рождение потомства и благополучие всего коллектива, а глубинные истоки обряда расставания с «красотой» - искать в семицко-троицкой обрядности (10).

Комплексное изучение свадебной и троицкой обрядности обнаруживает множество параллелей на уровне фольклорных мотивов и образов, а также атрибутики (украшенное дерево, ленты, цветы, венки и пр.). Указанное сходство давно привлекает внимание исследователей, но трактуется ими по-разному. Д.К.Зеленин рассматривал его как случайное совпадение, полагая, что свадебное деревце восточных славян в большей степени «напоминает западноевропейское рождественское дерево», чем троицкую березку (11). Большинство современных исследователей

обращают внимание на функциональное единство указанных символов, отмечая, что свадебное дерево, «как и в календарной обрядности» являлось «символом плодородия и благополучия» (12). Интуитивную догадку о генетической связи указанных обрядовых комплексов высказала Г.Г.Шаповалова, выразив ее в емкой и лаконичной формуле: семицкая березка вошла в свадебный ритуал как «девья красота» (13).

Действительно, элементы женских переходных обрядов, которые, как показывают последние исследования, содержатся в троицкой обрядности, позволяют говорить о генетической связи троицкого и свадебного ритуалов. Характерный для западносибирского региона троицкий обрядовый комплекс включал в себя шествие с наряженным в девичью одежду деревцем, уничтожение которого символизировало переход героини ритуала в новый социовозрастной статус, являясь, по сути, реликтом девичьих инициаций (14). Установление ритуальной связи между участницами подобных обрядов («девицами и молодницами», согласно многим источникам), фиксировалось кумлением, смысл которого состоял в испрашивании потомства у дерева (или божества в образе кукушки) в обмен на ленты, венки и прочие символы (15).

Сама свадьба - будучи срединным обрядом жизненного цикла - как никакой иной обряд впитала в себя элементы инициации. Идея условной смерти девушки особенно актуализировалась с установлением жесткой патрилокальности брака, когда произошло взаимоналожение двух «переходов» - перехода в новый социовозрастной статус и в новый родовой коллектив, а представления о «девичьей душе» неразрывно слились с понятием «родовой души» (16). По этой причине акт «продажи» косы-«красоты» совершался, как правило, при непосредственном участии мужчины из рода невесты, чаще всего - ее брата, что было зафиксировано как архивными материалами прошлого века, так и последними полевыми материалами. В предназначенной для РГО корреспонденции из Каинского

у. Томской губ. читаем: *«Перед временем поездки к венчанию, жених... дарит брата невесты за косу, это называется выкупом косы,.. равным образом, жених и у девиц выкупает косу»* (17).

Особая роль брата невесты нередко подчеркивалась его прозвищем и внешним обликом. При описании свадьбы в Алтайском округе С.И.Гуляев отметил, что во время выкупа косы *впереди сидит брат невесты, «весь вымаранный и в шубе навыворот», называемый «букушка»* (18). Термин «букушка» был также зафиксирован у проживающих в Алтайском крае вятских переселенцев. По словам К.И.Устиновой (1931 г.р.), *утром, во время «бранья», рядом с невестой сажали наряженного «по-страшному» «букушку»: на него «шапку и шубу вывороченную надевали, лицо сажей мазали, усы рисовали»; жених должен был у «букушки» и у «девок» «углы стола» откупить, то есть конфет и вина дать* (записано в с.Шишкино, Тальменский р-н).

Значение стола как мифического центра, где происходило окончательное прощание невесты с «красотой», определило его роль в обряде «посада», характерном для традиции украинских переселенцев. Сажанию невесты за стол, в мифологизации которого принимало участие стоявшее на нем деревце, предшествовал тоекратный обход вокруг него. Само название «посад», как показала Т.А.Бернштам, могло быть связано не только со словом «садиться», но и с понятием «зеленого сада», «рая» - местом рождения и смерти девичьей души (18). В свадебном обряде переселенцев из Белоруссии посад невесты за стол был оттеснен сажанием ее на квашню (дежу), что выдвинуло на первый план продуцирующий смысл обряда - ср.: *«невесту перед венцом на хлебную кадочку сажали»* (с.Макаровка, Кыштовский р-н, Новосибирская обл.).

Символом «красоты» на данном этапе свадьбы у сибиряков-старожилов мог также служить веник: П.М.Манакова (1927 г.р.) сообщила, что *невесту утром перед венцом брат продавал, при этом, когда ей косу*

расплетали, наряжали веник - «ленточкой обвяжут и продают» (с.Наумово, Тальменский р-н, Алтайский край).

В последний раз на протяжении свадебного обряда указанный атрибут появлялся в обычае «мести сор», призванном содействовать утверждению новых родственных отношений по линии «невестка - свекровь» - ср.: *на второй день свадьбы дружка притаскивал соломы, гости набрасывали денег, а молодая «мела сор» специально наряженным для этого веником, на который надевали новый платок и украшали ленточками. «Свекровь завернется во что-нибудь и на сор ляжет: пока молодая ее не поднимет и мамой не назовет, она не встанет»* (с.Наумово, Тальменский р-н, Алтайский край). В свете вышесказанного данный обычай можно интерпретировать как окончательное «выпрояживание» «родовой души» невесты из родового пространства жениха (ср. запрет мести сор на Святки, чтобы не вымести души умерших, которые, как считалось, посещают в эти дни души живых).

Образ дерева в свадебной обрядности старожилов и переселенцев Сибири вобрал в себя наслоения различных эпох и свойственных им представлений. Являясь первоначально символом священного родового дерева, местом, куда отправляется душа («красота» покидающей свой род девушки), свадебное деревце со временем становится объектом, на который переносятся представления о самой невесте, ее «красоте» и девичестве вообще.

Примечания

1. Т.А.Бернштам выдвинула гипотезу, согласно которой «красота» не просто символ «вольного девичьего житья», но сложное понятие, в основе которого лежат древние славянские представления о множественности «душ», сосуществующих вместе или сменяющих друг друга в определенные периоды человеческой жизни – см.: **Бернштам Т.А.** Обряд «расставания с красотой» (К семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде) // Памятники

культуры народов Европы и Европейской части СССР. Сб. МАЭ, XXXVIII. Л., 1982, С.57.

2. Ср.: перед отъездом к венцу *«подруги украшают репейник или сосновую ветку цветными бумажками, лентами и цветами, втыкают ее в коровай и... провожают невесту до ворот»* - см.: **Красноженова М.В.** Из народных обычаев крестьян деревни Покровки // Известия Красноярского подотдела ВСО РГО. Красноярск, 1914. Т.II. Вып. 6. С.99-110.

3. **Обрядовые песни** русской свадьбы Сибири. Новосибирск. 1981. С.38.

4. **Зеленин Д.К.** Восточнославянская этнография. М., 1991, С.339.

5. Обрядовые песни русской свадьбы Сибири. С.64-65, 80 (№156 и др.).

6. Там же. С.46 (№78).

7. См., например: **Денисова И.М.** Вопросы изучения культа священного дерева у русских. М., 1995. С.66.

8. Обрядовые песни русской свадьбы Сибири. С.47-56 (№№ 80-85, 87-89, 92, 93, 96-99).

9. Там же. С.49, 55-58 (№№85, 96-100).

10. Денисова И.М. Указ. соч. С.65, 93-94.

11. Зеленин Д.К. Указ. соч. С.339.

12. **Колесницкая И.М., Телегина Л.М.** Коса и красота в свадебном фольклоре восточных славян // Фольклор и этнография: связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977, С.122.

13. **Шаповалова Г.Г.** Майский цикл весенних обрядов // Фольклор и этнография: связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977, С.111.

14. Подробнее см.: **Любимова Г.В.** Обрядовые игры с переходной семантикой в русской традиционной культуре // Этнографическое обозрение, 1998, №4.

15. Денисова И.М. Указ. соч. С.120 и др.

16. Там же. С.58, 84.

17. АРГО, р.62, оп.1, №8, л.15об.

18. Бернштам Т.А. Указ. соч. С.58, 61.